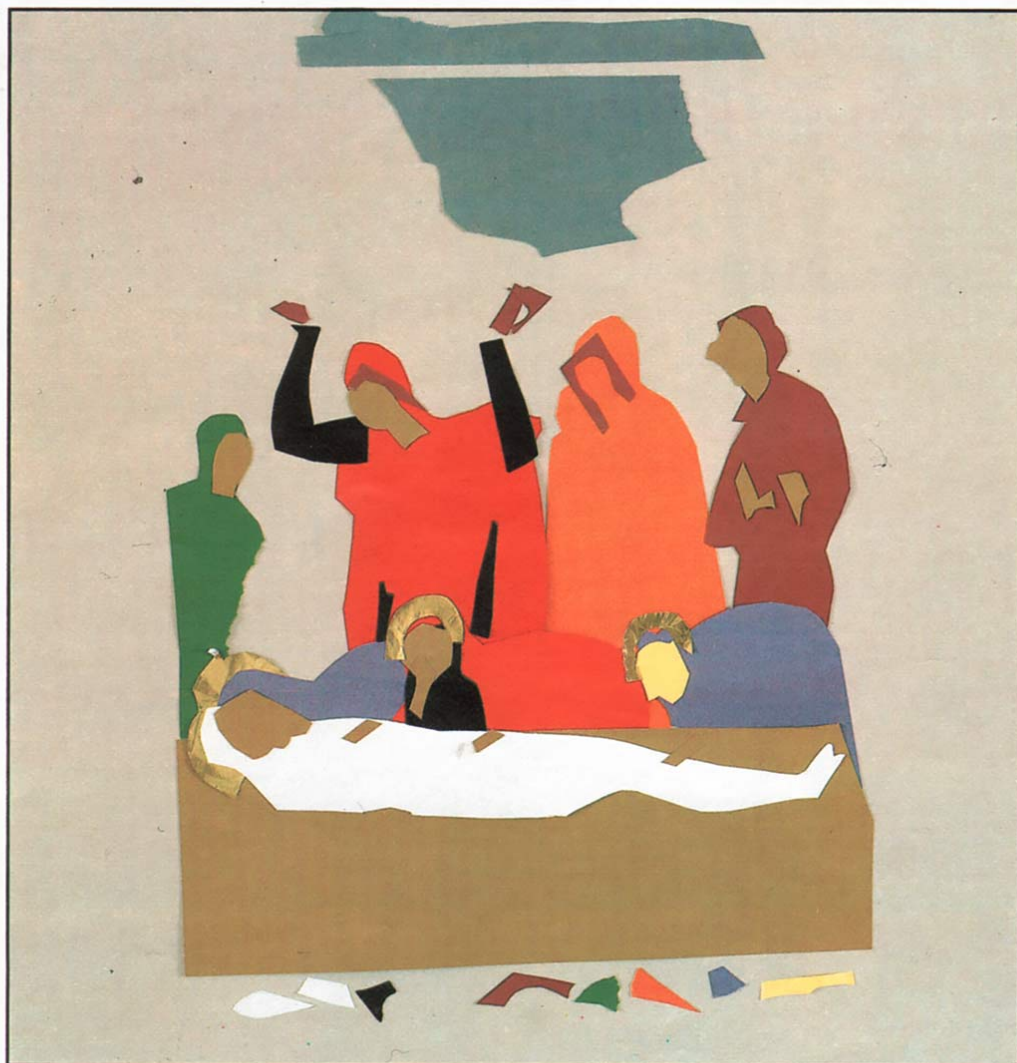

МАСТЕРСКАЯ

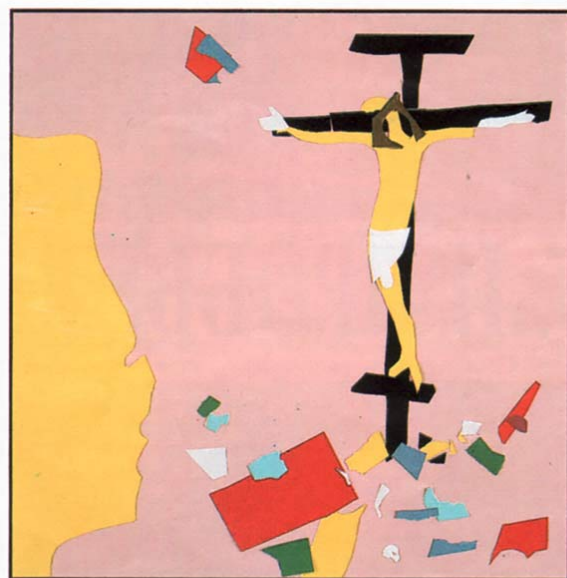
С Сулягиным нас познакомил Анри Матисс. Хотя в действительности, вернувшись из Лондона, Володя просто занес мне письмо от писательницы Хилари Сперлинг. Оказалось, что «между делом» (герой ее нового биографического романа — Матисс) она успела сделать книгу «из и о» коллажах-портретах Владимира Сулягина. Альбом «Бумажные души», как почти все, за что берется энергичная Хилари, заслужил награды, попав на этот раз в список лучших английских изданий 1992 года.

И все-таки мы познакомились благодаря сулягинскому кумиру и учителю. Коллажи Сулягина — они ведь от матиссовских рисунков ножницами. Современникам Матисс казался слишком буржуазным: не верилось, что он, лидер художественного авангарда начала века, может иметь комфортабельный дом и быть примерным семьянином. Облик Сулягина столь же антибогем: аккуратная борода, доброе «классическое» даже, русское лицо, размеренная речь. Когда он сказал, что, кроме портретов, делает иконы, я сразу представила иконописную мастерскую и доски с мученическими ликами. Очередной «а-ля рюсс» для хлеба насущного? Но ничего подобного не случилось. Из папок один за другим появились... те же самые коллажи из той же бумаги, из которой были склеены лицо-маска Заболоцкого, гусиное перо Пушкина, нос Гоголя, бабочка Булгакова. На этот раз рассыпал драгоценных обрывков бумаги преобразило каноническое содержание. И произошло чудо.

Наталья СЕМЕНОВА

БУМАЖНАЯ РОДИНА

ПОЛОЖЕНИЕ ВО ГРОБ.
БОРИС И ГЛЕБ.
РАСПЯТИЕ.

Кто не любит цветных бумажек, разных фантиков, фольги! Мы ведь совсем как дети, которые любовно собирают, разглаживают, меняют эти самые прелести. В бумаге — измятой, порванной или какой угодно — есть душа, свой определенный магический смысл. Если посидеть и посмотреть на случайный клочок, не спеша попытаться войти в него, почувствовать его судьбу (можно вспомнить, как Леонардо обращал внимание на тщательное разглядывание пятен), недалеко до нормального человеческого чуда. Вещи вдруг открываются, становятся твоими: кто-то жалуется, кто-то посылывает, кто-то скрипит, этот улыбающийся, а тот готов расплакаться... Я понимаю, что здесь моя судьба меня не выпускает из детства (может, это и неплохо). Только в это детство пришлось слишком долго двигаться. Время скорее мешало, чем помогало; как добраться до этого, никто, естественно, не подсказывал, а, может, подсказками и не всегда хотелось пользоваться...

Первый коллаж из обычных бумажек получился у меня почти случайно: под рукой не было ничего, только бумага. Она помогла выразить судьбу, определить время, сделать похоже. Все выглядело просто и одновременно совсем не просто. Потом с этим коллажем я просидел (молча) целый месяц. Я не сразу ему поверил, но заметил: бумага очень близка современному человеку. Мы ведь много читаем, любим картинки, газеты, даже свалки бумажного мусора. (Уважение к бумаге как-то особенно берет нас за душу.)

Сделать оригинал, а не копию, сделать материал понятным, а обыкновенный кусок или кусочек бумаги дорогим и даже бесценным, то есть организовать вещь равносильную оригиналу (!), а может, и смелее — вот сверхзадача. Ибо кто-то всегда ехидно отговаривает, уверяя, что миром правят законы незримые и смыслы между строк. И вообще смыслы между... Но в конце концов, если подумать, окажется, что бумага способна НА ВСЕ: игры масс и пространства, контрастов и нюансов, встреч и расставаний...

Бьется сознание, спрашивая совета (будто своей совести не хватает или крови своей мало). Ведь биография мастера более чем скромна — за делом и жить некогда...

Биография художника — это следы по бумаге или из бумаги, некая сласть и власть бумажная, родная, родимая.

Владимир СУЛЯГИН

ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ.

БОГОРОДИЦА.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ.

